

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СССР

А. Предтеченский *

Дискуссия, открытая редакцией журнала «Вопросы истории», имеет своим предметом вопросы периодизации феодального и капиталистического периодов истории нашей страны.

В настоящей статье я подвергну рассмотрению высказывания только трёх участников дискуссии: покойного К. В. Базилевича, Н. М. Дружинина и И. И. Смирнова. К. В. Базилевич и Н. М. Дружинин по вопросам периодизации выдвинули две принципиально различные точки зрения. Остальные участники дискуссии, как показал И. И. Смирнов, присоединились к точке зрения К. В. Базилевича либо Н. М. Дружинина. И. И. Смирнов предложил иное решение вопроса. Таким образом, имеются три различные концепции по существу дискуссии. Так как я не собираюсь присоединиться ни к одной из них, а хочу предложить новую, то мне, естественно, придётся остановиться на высказываниях тех участников дискуссии, которые выступали с общими принципиальными предложениями. С остальными участниками дискуссии у меня могут быть расхождения только по частным вопросам, не имеющие, на мой взгляд, существенного значения для хода дискуссии.

Начну с критерия периодизации, предложенного К. В. Базилевичем. Вряд ли может быть сомнение в том, что при установлении критерия периодизации феодального и капиталистического периодов в истории нашей страны нельзя исходить из изменений, происходивших только в производстве. Здесь я целиком согласен с И. И. Смирновым, очень убедительно показавшим несостоятельность критерия периодизации, предложенного К. В. Базилевичем. Замечу только, что и К. В. Базилевич в конкретизации своей схемы на отдельных примерах истории СССР феодального периода отходит от этой схемы. Вступая в противоречие с декларируемой им в начале статьи точкой зрения о необходимости положить в основу периодизации изменения в производстве («периодизация исторического процесса должна быть произведена в соответствии с теми изменениями, которые в рассматриваемое время происходили в состоянии производства, т. е. в состоянии производительных сил и производственных отношений»¹), К. В. Базилевич в изложении своих взглядов на периодизацию истории феодального периода опирается на историю феодального государства.

И. И. Смирнов поступил совершенно правильно, обратив внимание не на ту часть статьи, где К. В. Базилевич вступает в противоречия с самим собой (хотя он почему-то даже не упомянул о них), а на декларативную её часть, так как она явилась основополагающей в ходе рассуждений К. В. Базилевича и в развитии всей дискуссии.

Но точно так же как нельзя считать критерием периодизации производство, нельзя при установлении периодизации класть в основу изменения, происходившие в истории государства. И здесь я не могу согласиться с И. И. Смирновым, предлагающим в качестве основы для периодизации изменения, происходившие в истории Русского государства феодального и капиталистического периодов.

По мнению И. И. Смирнова, критерий, который должен лежать в основе установления исторических периодов, определён В. И. Лениным. Этим критерием должна быть форма государства, структура власти. Я полагаю, что попытка И. И. Смирнова опереться на высказывания В. И. Ленина с целью доказать, что В. И. Ленин периодизировал историю нашей страны по этапам развития государства, неубедительна по следующим причинам.

Высказывания В. И. Ленина взяты И. И. Смирновым из тех работ, в которых В. И. Ленин трактовал вопросы истории государства, а не общие вопросы истории

* Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.

¹ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 65.

И. И. Смирнов сам признаётся, что он пользовался лишь высказываниями В. И. Ленина об истории государства. Он пишет: «В работах В. И. Ленина... содержится стройная и целостная периодизация истории России XVII—XX веков. Основы этой периодизации даны В. И. Лениным в его оценке этапов истории Русского государства, в эволюции форм государственной власти в России»².

В таких работах, естественно, никакого другого критерия быть не может. Но когда В. И. Ленин касался других вопросов истории нашей страны, он вовсе не принимал в расчёт изменений государственного строя, структуры власти. В таких работах, как «Развитие капитализма в России», «Памяти Герцена», «Из прошлого рабочей печати в России» и других, история государства не является основой периодизации русского исторического процесса. Отсюда можно сделать бесспорное заключение, что изменения в структуре власти, изменения в организации государства не являлись в глазах В. И. Ленина критерием для установления периодизации исторического процесса во всей совокупности составляющих его элементов.

Кроме того, самый дух ленинских работ, независимо от того, касался ли В. И. Ленин теории исторического процесса, или говорил о конкретных исторических явлениях, или разрабатывал вопросы текущей политики, не даёт оснований утверждать, что основой периодизации феодального и капиталистического периодов нашей страны В. И. Ленин считал изменения в государстве. Я полагаю, что для установления ленинского принципа членения исторического процесса на периоды нужно принимать во внимание не отдельно взятые цитаты из отдельных работ В. И. Ленина, а общее направление ленинских мысли во всём огромном её разнообразии и богатстве. Такое отношение к творческому наследию В. И. Ленина не позволит согласиться с мнением И. И. Смирнова, что в основе ленинской периодизации исторического процесса лежит история государства.

Не кажутся мне убедительными и доводы И. И. Смирнова в пользу предлагаемого им принципа периодизации истории СССР, основанные на его анализе периодизации, данной в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)». «Краткий курс» есть история партии большевиков, руководившей борьбой пролетариата и крестьянства за власть до Великой Октябрьской социалистической революции и строительством советского государства после революции. Во «Введении» к «Краткому курсу» читаем: «История ВКП(б) есть история свержения царизма, свержения власти помещиков и капиталистов, история разгрома иностранной вооруженной интервенции во время гражданской войны, история построения Советского государства и социалистического общества в нашей стране»³. При таком исчерпывающе ясном определении содержания истории партии большевиков не может быть никакой иной периодизации её, чем периодизация, основанная на изменениях в развитии государства.

Но можно ли этот сталинский принцип периодизации истории партии большевиков применить к истории СССР феодального и капиталистического периодов? Не будет ли такое распространение хронологического членения одного из элементов, из которых складывался исторический процесс в нашей стране на одном определённом его этапе, на все элементы, составляющие исторический процесс, и на всех этапах истории нашей страны, не будет ли такое распространение произвольным? Мне кажется, что ответ на этот вопрос может быть только утвердительным.

После выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» прошло много времени. Литература о «Кратком курсе» необъятна. Но, насколько мне известно, никто не предлагал сталинский принцип периодизации истории партии большевиков целиком применить для установления периодизации истории СССР феодального и капиталистического периодов. Если бы предлагаемая И. И. Смирновым концепция была совершенно бесспорной, дискуссия, в которой мы участвуем, была бы посвящена не вопросу периодизации истории СССР, а вопросу применения сталинского принципа периодизации истории партии большевиков к истории СССР феодального и капиталистического периодов. Однако дискуссия продолжается уже год, и никто не усомнился в правомерности постановки вопроса о периодизации в той формулировке, какая нашла место на страницах журнала «Вопросы истории».

² См. настоящий номер журнала, стр. 88.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 4.

Сказанным не исчерпываются мои возражения против концепции И. И. Смирнова. Я не могу согласиться с упреками, сделанными И. И. Смирновым в адрес Н. М. Дружинина. И. И. Смирнов обвиняет Н. М. Дружинина в том, что он не дал определения «марксистского понятия классовой борьбы»⁴. В своей статье И. И. Смирнов раскрывает содержание понятия классовой борьбы, т. е. даёт «определение марксистского понятия классовой борьбы», опираясь на высказывания В. И. Ленина по данному вопросу. Трудно что-либо возразить против того, что сказано И. И. Смирновым по поводу подлинно марксистского понимания классовой борьбы, так же как нельзя не согласиться с тем, что в статье Н. М. Дружинина не дано определения марксистского понятия классовой борьбы. Но разве суть вопроса сводится к определению понятия классовой борьбы, а не к пониманию этого понятия? Я думаю, что И. И. Смирнов неправ, обвиняя Н. М. Дружинина в том, что он прошёл мимо ленинского анализа марксистского понимания классовой борьбы и тем самым лишил себя возможности установить, «какие из событий в области классовой борьбы имеют решающее значение в ходе исторического развития и, следовательно, могут и должны лечь в основу исторической периодизации»⁵. Если Н. М. Дружинин прошёл в своей статье мимо ленинского определения понятия классовой борьбы, то он отнюдь не прошёл мимо ленинского понимания классовой борьбы. Вся его статья служит тому убедительным доказательством.

Н. М. Дружинин, на мой взгляд, неповинен в грехе, в котором его склонен обвинить И. И. Смирнов, т. е. в либеральном толковании понятия классовой борьбы. Н. М. Дружинин исходит из того, что определяющим моментом в классовой борьбе является борьба за власть, за устройство государственной власти, а не «за пятачек на рубль», как определяли, по ленинскому выражению, классовую борьбу «экономисты». Самая периодизация Н. М. Дружинина никак не наводит на мысль о таком оппортунистическом понимании классовой борьбы. Н. М. Дружинин делит «процесс созревания капиталистического уклада» (т. е. время с 60-х годов XVIII в. до 1861 г.) на три периода, отделённые друг от друга важнейшими политическими событиями. Точно так же поступает он и при членении «капиталистической эпохи», т. е. времени с 1861 по 1917 год. В своём анализе явлений, рассматриваемых внутри каждого из предлагаемых им периодов, он принимает во внимание политические результаты классовой борьбы. Одно только высказывание Н. М. Дружинина способно отразить упреки, делаемые ему И. И. Смирновым. Он пишет: «Устанавливая промежуточные грани между 1861 и 1917 гг., мы должны следовать методу классиков марксизма, нащупывая переломные моменты, подготовленные предшествующим развитием производительных сил, мы должны искать перерывов, постепенности, связанных с борьбой нового прогрессивного класса под знаменем передовой побеждающей идеологии»⁶ (разрядка моя. — А. П.).

Все только что высказанные соображения по поводу статьи Н. М. Дружинина дают мне основание не согласиться с возражением против неё И. И. Смирнова. Упрек И. И. Смирнова носит формальный характер: отсутствие определения в статье Н. М. Дружинина он расценил как отсутствие понимания.

Но, не соглашаясь с И. И. Смирновым в оценке позиции Н. М. Дружинина, я вовсе не хочу сказать, что считаю предложенный Н. М. Дружининим принцип периодизации правильным. Я думаю, что вообще классовая борьба, даже при условии совершенно правильного и определения и толкования этого понятия, не может составлять основу периодизации истории СССР феодального и капиталистического периодов. Классовая борьба сама по себе, без учёта её результатов ничего не выражает. Важность изучения классовой борьбы как основного фактора исторического процесса определяется не самой по себе классовой борьбой в её абстрагированном виде, а теми реальными результатами, к которым она приводит.

Логическое содержание понятия классовой борьбы включает в себя её конечные результаты. Реальное содержание классовой борьбы также непременно включает их в себя. Классовая борьба всегда имеет цель. Эта цель либо достигается либо не дости-

⁴ См. настоящий номер журнала, стр. 88.

⁵ Там же.

⁶ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 92.

гается, но борьба всегда имеет какой-то результат — положительный или отрицательный. Но всякий результат, хотя бы и отрицательный, сказывается прежде всего в изменениях в области политической. Классовой борьбы, не оказывающей, хотя бы и в ничтожной степени, влияния на организацию государственной власти или на социальные отношения, т. е. в конечном счёте на ту же организацию государственной власти, поскольку последняя закрепляет изменения в социальных отношениях, не существует. Завершением классовой борьбы являются изменения в организации государственной власти. Рассматриваемая вне этого завершения, классовая борьба не составляет фактора, движущего историческим процессом.

Все участники дискуссии, начиная от К. В. Базилиевича и кончая И. И. Смирновым, совершают, на мой взгляд, одну общую ошибку. Как известно, прямого ответа на вопрос о критерии периодизации истории феодального и капиталистического периодов истории СССР в трудах классиков марксизма нет — если бы такой критерий существовал, он давно был бы применён в науке, и отпала бы надобность в дискуссии на эту тему. Поэтому участники дискуссии обращаются к классикам марксизма за косвенным ответом.

Как они его ищут? В методах поиска ответа и заключается, с моей точки зрения, их основная ошибка. Они обращаются или к отдельным высказываниям классиков марксизма по отдельным вопросам истории или к периодизации, данной классиками марксизма в их монографических исследованиях. Но периодизация одной какой-либо группы исторических явлений, однородных по своему существу, устанавливаемая классиками марксизма в отдельных высказываниях по отдельным вопросам истории или в монографических работах, не может быть применима для всех групп явлений, из которых складывается исторический процесс.

Классики марксизма, как известно, не писали общих курсов по истории СССР феодального и капиталистического периодов. Когда же они высказывались по отдельным вопросам истории или исследовали их монографически, они устанавливали периодизацию только для определённых исторических явлений, причём всякий раз новую, в зависимости от характера этих явлений. В «Развитии капитализма в России», в работе «Памяти Герцена», в работе «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам» В. И. Ленин строит периодизацию по-разному, так как в этих работах речь идёт об очень различных между собой группах исторических явлений — об экономике, о революционном движении и о государстве. То, что В. И. Ленин применил в трёх названных работах разные принципы периодизации, свидетельствует, что он не считал ни один из этих принципов универсальным, пригодным для периодизации всех групп явлений, из которых складывается исторический процесс. Ошибка участников дискуссии и состоит в том, что отдельные высказывания и работы классиков марксизма по отдельным вопросам истории они принимали за генерализирующие.

В самом деле, как объяснить тот факт, что К. В. Базилиевич, Н. М. Дружинин и И. И. Смирнов пришли к разным выводам по вопросу об учении классиков марксизма о периодизации? Заподозрить их в неумении читать классиков марксизма нет никаких оснований. А в то же время К. В. Базилиевич, исходя из высказываний классиков марксизма, предлагает положить в основу периодизации производство, Н. М. Дружинин, тоже опираясь на классиков марксизма, — классовую борьбу, а И. И. Смирнов, не менее чем К. В. Базилиевич и Н. М. Дружинин вооружённый знанием классиков марксизма, — изменения в развитии государства. Как видно, расхождения между этими тремя учёными сводятся не к мелочам: они могут быть охарактеризованы как существенные.

В чём же здесь дело?

Дело заключается в неверном методе поисков ответа на поставленный вопрос. Если исходить из отдельных высказываний классиков марксизма по отдельным вопросам истории и их монографических работ, то по вопросу о периодизации может быть не три, а четыре, пять и больше мнений. И каждое из них будет иметь право на существование, если его применять не ко всей совокупности явлений, составляющих исторический процесс, а к отдельным их группам. Искать же такой принцип для периодизации, которому можно было бы придать генерализирующее значение, сле-

дует, с моей точки зрения, руководствуясь иными приёмами, чем подыскание нужных цитат из сочинений классиков марксизма.

Прежде чем перейти к изложению того, как, на мой взгляд, нужно решить этот вопрос, я хотел бы сделать ещё два замечания.

Н. М. Дружинин при членении капиталистического периода истории СССР исходит не из одного принципа классовой борьбы, — он постоянно оперирует принципом производства, придавая ему, по крайней мере, одинаковое с формами классовой борьбы значение. Ему как будто тесно в рамках своей собственной схемы.

Эта не совсем твёрдая и уверенная позиция Н. М. Дружинина нашла своё выражение даже в одной из его формулировок. «Каждый период, намечаемый в ходе исторического развития, — пишет Н. М. Дружинин в декларативной части своей статьи, — характеризуется внутренним единством социально-экономических, политических и культурных отношений. Найти это единство — значит определить ведущее ядро каждого исторического периода»⁷. Запомним, что здесь речь идёт о ведущем ядре исторического периода. Но через несколько страниц, когда Н. М. Дружинин переходит к рассмотрению второго и третьего из предлагаемых им периодов капиталистических отношений (с 1790 по 1861 г.), он говорит о «ведущих процессах» этих периодов⁸. Совершенно очевидно, что в данных контекстах понятия ядро и процесс могут быть признаны идентичными. Следовательно, в одном случае речь идёт о ведущем процессе, в другом же — о ведущих процессах. Не думаю, чтобы это была случайная обмолвка. Н. М. Дружинин упоминанием о процессах невольно признал недостаточность установления в качестве критерия периодизации одной категории исторических явлений. Считаю необходимым подчеркнуть, что для меня эта непоследовательность в формулировках Н. М. Дружинина отнюдь не имеет решающего значения.

Мне представляется, что и И. И. Смирнов не свободен от непоследовательности. Она проявляется в неправильном толковании известного положения И. В. Сталина о смене стихийного процесса развития сознательной деятельностью людей. И. И. Смирнов на основании этого положения, приведённого им в виде длинной цитаты из «Краткого курса истории ВКП(б)», делает вывод, что «развитие производства и общества невозможно вне и помимо политического развития»⁹. Я полагаю, что этот вывод, нужный И. И. Смирнову в обоснование его тезиса о политическом критерии периодизации, не вытекает из того, что было сформулировано И. В. Сталиным в приводимой И. И. Смирновым цитате.

И. В. Сталин говорит о том, что «лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем насильственных действий этих классов, путем революции» можно ликвидировать «старые порядки в области производственных отношений и утвердить новые порядки»¹⁰. Делать отсюда вывод, что развитие производства и общества невозможно вне и помимо процесса политического развития, нет никаких оснований. Напротив, И. В. Сталин тут же говорит, что развитие производительных сил и изменения в области производственных отношений совершаются постоянно, только до известного периода эти изменения происходят стихийно, независимо от воли людей. Следовательно, развитие производства и общества может происходить и вне политического развития. И. И. Смирнову, как историку, это должно быть отлично известно. Достаточно вспомнить ему для этого хотя бы историю доклассового общества или историю России в первой половине XIX в., когда политическая организация самодержавно-крепостнической монархии оставалась в основных своих чертах неизменной, а развитие производительных сил достигло на протяжении полувека относительно высокого уровня, развитие же культуры происходило темпами, беспримерными во всей предшествующей истории России.

Далее, у И. И. Смирнова, как и у Н. М. Дружинина, в его теоретических рассуждениях установленный им критерий периодизации не остаётся единственным и ведущим критерием. Из теоретических предпосылок своей схемы И. И. Смирнов делает следующий вывод: «Изучение этапов политического развития, этапов развития госу-

⁷ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 91—92.

⁸ См. там же, стр. 97—98.

⁹ См. настоящий номер журнала, стр. 80.

¹⁰ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 125.

дарства является средством выявления и определения этапов развития и материально-го производства»¹¹. В этой формуле критерию государства отведена роль лишь средства выявления этапов развития производства, т. е. роль второстепенная. А при такой постановке вопроса о критерии периодизации установление в качестве критерия изменений, происходящих в развитии государства, теряет своё значение.

Непоследовательность присуща и ходу мыслей К. В. Базилиевича. В попытках показать, как он прилагает установленный им критерий к истории России феодального периода, К. В. Базилиевич, как уже указывалось, постоянно возвращается к государству и сплошь и рядом оперирует этим критерием для определения основных этапов развития России феодального периода. В ходе рассуждений К. В. Базилиевича можно установить одинаковые с рассуждениями Н. М. Дружинина отступления от принятой схемы. И К. В. Базилиевич и Н. М. Дружинин не хотят укладываться в прокрустово ложе ими же самими декларированных положений.

В статье И. И. Смирнова не разрешается одна очень важная проблема: сочетание его схемы с учением об общественно-экономических формациях. И. И. Смирнов заявляет, что предлагаемый им критерий «в равной мере применим и к членению главных исторических периодов — общественно-экономических формаций — и к членению внутри каждого исторического периода, внутри каждой общественной формации»¹². Это положение, однако, не иллюстрируется анализом конкретного исторического материала, а потому нет возможности судить о том, как разрешает И. И. Смирнов указанную проблему.

Итак, мои критические замечания по поводу того, что было высказано участниками дискуссии, сводятся к следующему:

1. Для установления критерия периодизации феодального и капиталистического периодов в истории нашей страны недостаточно опираться на отдельные высказывания классиков марксизма по отдельным вопросам истории. Лишь следование общему направлению мысли классиков марксизма, общему духу их учения может помочь отысканию правильного критерия периодизации.

2. В качестве критерия периодизации не может быть взята какая-либо одна группа явлений, составляющих исторический процесс. Учение классиков марксизма требует положить в основу периодизации комплекс групп явлений, составляющих исторический процесс. Опыт дискуссии по вопросам периодизации феодального и капиталистического периодов истории СССР убеждает в правильности этого положения.

Чтобы найти правильный, с моей точки зрения, путь к отысканию критерия периодизации, нужно обратиться прежде всего к учению классиков марксизма о базисе и надстройке.

Нет нужды приводить всем известное высказывание Маркса в предисловии к «Критике политической экономии» об экономической структуре общества как о базисе, на котором возвышаются юридическая и политическая надстройки и которому соответствуют определённые формы общественного сознания. В работе «Относительно марксизма в языкознании» И. В. Сталин дал следующие исчерпывающие определения базиса и надстройки: «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения»¹³. Та же мысль повторена И. В. Сталиным в работе «К некоторым вопросам языкознания». Здесь И. В. Сталин пишет: «Специфические особенности базиса состоят в том, что он обслуживает общество экономически. Специфические особенности надстройки состоят в том, что она обслуживает общество политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями и создаёт для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения»¹⁴.

¹¹ См. настоящий номер журнала, стр. 80.

¹² Там же, стр. 90.

¹³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 3. Изд-во «Правда». 1950.

¹⁴ Там же, стр. 30.

Марксизм-ленинизм устанавливает первичность базиса и вторичность надстройки. Вместе с тем классики марксизма отмечали и обратное воздействие — надстройки на базис. С особенной чёткостью мысль об обратном воздействии — надстройки на базис — выражена И. В. Сталиным в работе «Относительно марксизма в языкознании». «Появившись на свет,— пишет И. В. Сталин,— она (надстройка.— А. П.) становится величайшей активной силой»¹⁵. Являясь «величайшей активной силой», надстройка живёт, однако, недолго, «она ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса»¹⁶.

Таким образом, марксизм-ленинизм, устанавливая постоянное воздействие базиса на надстройку и надстройки на базис, показывает в то же время органическую связь между двумя этими категориями общественной жизни. Следовательно, историк не может рассматривать ни одного явления общественной жизни, относящегося к базису, вне зависимости и связи этого явления с явлениями надстроечного порядка. Точно так же он не может рассматривать ни одного надстроечного явления вне зависимости и связи его с базисом. Следовательно, для историка ни одно явление общественной жизни не существует само по себе. Оно всегда связано с соответствующими явлениями надстройки, если оно базисное, и явлениями базиса, если оно надстроечное.

Не следует ли отсюда, что историк, поставивший задачу отыскать принцип периодизации истории СССР феодального и капиталистического периодов, должен исходить из только что сформулированного положения? На мой взгляд, он обязан строить периодизацию, исходя из факта неразрывности и взаимозависимости базисных и надстроечных явлений. Поэтому мне представляется наиболее отвечающим требованиям марксистско-ленинской методологии следующий критерий периодизации феодального и капиталистического периодов.

Историю феодального и капиталистического периодов следует членить на отрезки времени, отделяющиеся один от другого кризисным состоянием производства, которое приводит к кризису государства и кризису общественного сознания. Под кризисным состоянием производства (это понятие никоим образом нельзя смешивать с понятием экономического кризиса) я подразумеваю такое состояние, когда с особенной остротой обнаруживается противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Это обострение влечёт за собой усиление эксплуатации трудящихся масс. Трудящиеся массы, в свою очередь, отвечают на это усилением классовой борьбы. Усиление классовой борьбы порождает изменения в политическом строе государства, размер и качество которых зависят от результатов борьбы трудящихся масс. Борьба трудящихся масс лежит в основе изменений, происходящих в общественном сознании.

Таков комплекс явлений, составляющих существо кризиса. Последовательность этих явлений представлена в только что изложенной схеме в алгебраизированном виде. В конкретной действительности эти явления переплетаются между собой в причинном и временном отношениях. Последовательность и причинность явлений устанавливается в каждом отдельном случае. Но все эти явления неразрывно связаны между собой, они объединены в единый реальный комплекс.

Коль скоро речь идёт о последовательности отдельных явлений, то, конечно, нельзя говорить об их синхронности. Асинхронность явлений, составляющих один и тот же исторический комплекс, представляет собой едва ли не наибольшую трудность для периодизации. Асинхронность явлений, из которых складывается исторический процесс, должна быть рассматриваема как его имманентное свойство. Историка нужно подчиниться этому свойству, а не подчинять его установленным, сплошь и рядом произвольным, схемам. Предлагаемый мною критерий периодизации не устраняет, конечно, всех затруднений, связанных с разрешением проблемы асинхронности, но я полагаю, что в процессе дискуссии эти затруднения будут преодолены¹⁷.

¹⁵ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 4.

¹⁶ Там же, стр. 6.

¹⁷ Следует отметить, что один из участников дискуссии, А. Борисов, выступил с предложением, близким по характеру к высказываемому мной. Он писал: «Основной фактор периодизации базируется на экономическом развитии страны, но это не един-

Основываясь на предлагаемом мною критерии периодизации, я думаю, что капиталистический период в истории нашей страны может быть расчленён следующим образом (не будучи специалистом по истории феодального периода, я воздержусь от изложения своих соображений по вопросу о периодизации этого периода, что, однако, отнюдь не означает невозможности применения предлагаемого мной критерия к периодизации феодального периода. Я остановлюсь больше всего на вопросе о начальном моменте истории капиталистических отношений в России, так как считаю, что этот вопрос является важнейшим при разработке проблемы периодизации).

Начало кризиса феодально-крепостнической системы следует отнести к 60-м годам XVIII века. Кризис нашёл выражение в повышении оброка, росте барщины, помещичьем предпринимательстве, подъёме крестьянских волнений, организации Вольного экономического общества, созыве Комиссии 1767 г., указах о крестьянах 1765 и 1767 гг., появлении сатирической журналистики. Иными словами, заметные изменения произошли и в производстве, и во внутренней политике, и в общественном сознании. Изменения, совершающиеся во всём комплексе общественной жизни в 60-х годах XVIII в., заставляют считать это время началом кризиса феодально-крепостнической системы.

Но можно ли говорить, что 60-е годы XVIII в. являются началом капиталистического периода в истории нашей страны даже в том ограниченном понимании капитализма, какое заключается в предложенной Н. М. Дружининым формулировке: «черты более или менее оформившегося капиталистического уклада»¹⁸ (разрядка моя.— А. П.)? Я думаю, что нельзя. В самом деле, о каком, даже зародышном капитализме может идти речь, если закрепощённое население увеличивалось, целые районы страны находились ещё в стадии натурального хозяйства, в хозяйстве в громадной степени преобладал крепостной труд, всё более и более стиралась грань между крепостным и рабом, если в стране произошла крестьянская война, по своему характеру ничем не отличавшаяся от крестьянских войн феодальной эпохи, если, наконец, правительство издавало такие акты, как манифест о вольности дворянства или жалованную грамоту дворянству, а в области политической мысли стоял ещё очень высоко авторитет кн. Щербатова?

Я думаю, что было бы неверно считать начало кризиса феодально-крепостнической системы в России, наметившегося в 60-х годах XVIII в., начальным периодом капитализма. Учение классиков марксизма об общественно-экономических формациях отрицает какие-либо особые промежуточные стадии между двумя формациями. Но значит ли это, что начальный момент кризиса одной формации нужно рассматривать как начальный момент новой формации? Полагаю, что нет. Те признаки разложения феодально-крепостнической системы, которые наметились в России в 60-х годах XVIII в., могли бы стать начальным моментом в развитии капиталистической формации лишь в том случае, если бы темпы развития кризиса дали возможность относительно быстро созреть капиталистическому укладу. Но процесс созревания капиталистического уклада растянулся в России на громадный промежуток времени — на столетие, причём это созревание так и не привело к полной зрелости — стоит вспомнить многочисленные указания В. И. Ленина на сильнейшие пережитки крепостничества в России и после 1861 г. (даже русский империализм охарактеризован В. И. Лениным как военно-феодальный империализм), а также указания классиков марксизма на то, что Великая Октябрьская социалистическая революция побочно выполнила задачи буржуазно-демократической революции. Это обстоятельство не даёт оснований рассматривать начало кризиса феодально-крепостнической системы в России как начало новой капиталистической формации. Сущность явлений, происходивших в России в 60-х годах XVIII в., может быть осмыслена лишь в свете последующего социально-экономического и политического развития страны. А оно как раз и не даёт права рассматривать эти явления как начало капиталистической формации. Поэтому

ственный фактор. Следует анализировать и надстроечные явления, и только в совокупности всех факторов можно решить вопрос о периодизации» («Вопросы истории» № 3 за 1950 г., стр. 78). Однако эта мысль разработки в статье А. Борисова не получила. — А. П.

¹⁸ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 94.

я предлагаю время с 60-х годов до конца XVIII в. отнести к феодальному периоду истории России.

Я полагаю, что этот вывод, как и ход мыслей, послуживших его обоснованием, не противоречит сталинскому требованию уметь в каждом явлении увидеть то новое, чему принадлежит будущее, и это новое сделать определяющим в оценке данного явления. Вполне развитого капитализма в России так и не было. Эта особенность исторического развития нашей страны не может быть не принята во внимание при периодизации её истории вообще и капиталистического периода в частности. Тот факт, что социалистическая революция в России побочно выполнила задачи буржуазно-демократической революции, явился результатом всей предшествующей истории страны.

Начало периода капиталистических отношений я предлагаю отнести ко времени между концом 90-х годов XVIII в. и начальными годами нового века — примерно с 1796—1797 по 1803—1804 годы. В этот шести—семилетний промежуток обозначилось усиление кризисного состояния феодального производства. Это кризисное состояние нашло выражение в социально-экономическом законодательстве: указы о посессионных мануфактурах, о вольных хлебопашцах и о праве лиц недворянского происхождения владеть ненаселёнными землями, в попытках введения так называемого рационального земледелия (кн. Е. Р. Дашкова, Д. М. Полторацкий, гр. Ф. В. Ростопчин) и других явлениях. Особенное внимание следует обратить на указы о вольных хлебопашцах и праве лиц недворянского происхождения владеть ненаселёнными землями. Они в первые в истории русского законодательства открывали возможность развития буржуазного землевладения. При всём ничтожестве реальных результатов этих указов издание их не может не служить показателем значительного усиления кризисного состояния производства. На этот же промежуток времени приходится новый подъём крестьянского движения. Внутренняя политика отмечена рядом реформ и разработкой многих политических проектов (проекты кн. А. А. Безбородки, М. М. Сперанского и др.), что свидетельствует о кризисном состоянии государства. В области общественного сознания должны быть отмечены такие факты, как распространение идей А. Н. Радищева (В. В. Попугаев, в известной мере И. П. Пнин), возникновение Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, подпольная политическая и сатирическая литература и т. д.

Вся совокупность этих фактов, имевших место на протяжении относительно очень незначительного промежутка времени, заставляет смотреть на конец 1790-х и начало 1800-х годов как на веху в истории России и относить именно к этому времени начало периода капиталистических отношений. Тот факт, что через два десятилетия произошла попытка революционного переворота, классовая направленность которого не может быть квалифицирована иначе, как буржуазная, свидетельствует о сравнительно быстром развитии явлений разложения феодально-крепостнической системы, происходивших на рубеже XVIII и XIX веков. Это обстоятельство с тем большим основанием позволяет считать началом периода капиталистических отношений конец 1790—начало 1800-х годов.

Относительно конца периода капиталистических отношений ни у кого никогда сомнений не возникало. «Краткий курс истории ВКП(б)», как известно, датирует победу Великой Октябрьской социалистической революции октябрём 1917 года — февралём 1918 года. Задача историка заключается в том, чтобы установить членение внутри периода капиталистических отношений.

То, что 1825 годом заканчивается первый период истории капиталистических отношений в России, вряд ли может вызвать у кого-либо возражение. Восстание декабристов явилось выражением охватившего страну кризиса, гораздо более серьёзного, чем тот, который наблюдался четверть века ранее. Это был первый кризис в стране, уже вступившей на путь капиталистического развития, но сохранившей сильнейшие и многочисленные признаки феодально-крепостнической системы. Кризисом 1825 г. был охвачен весь тот комплекс явлений общественной жизни, о котором шла речь выше.

Несколько слов по поводу терминологии. В научной и учебной практике давно принято называть русскую монархию до 1861 г. монархией феодально-крепостнической. Если признать, что начало капиталистических отношений в России приходится

на рубеж XVIII и XIX вв., то, чтобы качественно различать монархию XIX в. и монархию предшествующего времени, я предложил бы называть монархию с конца XVIII в. и до 1861 г. не феодально-крепостнической, а самодержавно-крепостнической. Обозначение русской монархии XIX, XVIII и даже XVII в. одним и тем же термином мешает отчётливому представлению о том, что русская монархия, по моему мнению, с конца XVIII в. (по мнению Н. М. Дружинина, — с середины XVIII в.) вступила в новую фазу развития.

Насколько бесспорна дата 1825 г., являющаяся гранью первого периода капиталистических отношений, настолько бесспорна и дата 1861 г., разделяющая второй и третий периоды капиталистических отношений. 1861 год Ленин называл, как известно, годом начала капитализма в России. Эта дата знаменует собою конец того периода, который характеризуется как период капиталистического уклада. Мне нечего прибавить к аргументации Н. М. Дружинина, обосновывающего в своей статье необходимость рассматривать 1859—1861 гг. как грань второго и третьего периодов.

Третий период капиталистических отношений заканчивается, с моей точки зрения, в конце 90-х годов XIX века. В эти годы (включая 1900 г.) рождаются предпосылки монополистического капитализма. Самодержавная монархия переживает кризис, нашедший выражение в многочисленных противоречивых по своему характеру мероприятиях в области внутренней политики и законодательства. Многочисленные проекты реформ, особенно усилению разрабатывавшиеся в различных правительственных канцеляриях, свидетельствуют о кризисе самодержавной монархии едва ли не в большей степени, чем реальная политика правительства. Конец 90-х годов XIX в. в области общественного сознания ознаменован таким громадной важности явлением, как начало участия В. И. Ленина и И. В. Сталина в революционном движении. Это событие должно быть рассматриваемо как поворотный пункт не только в истории нашей страны, но и в мировой истории.

В 1901 г. начинается последний период в истории капиталистических отношений в России. Время с 1901 по 1917 г., если придерживаться предложенного мною критерия периодизации, не может быть разбито на более дробные периоды. Можно было бы говорить об этом семнадцатилетнем промежутке времени в истории нашей страны как о сплошном кризисе. Это обстоятельство совершенно не исключает необходимости делить этот период на части соответственно главным этапам в истории партии большевиков, указанным И. В. Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Таковы предлагаемая мною точка зрения на принципы периодизации феодального и капиталистического периодов истории нашей страны и членение периода капиталистических отношений.

В ходе дискуссии о периодизации выявились различные мнения по этим вопросам. Я полагаю, что единая точка зрения, приемлемая для всех историков СССР, могла бы быть выработана лишь при условии продолжения дискуссии и её активизации. До сих пор дискуссия протекала вяло. Думается, что доля вины в этом падает и на редакцию журнала «Вопросы истории», которая под видом выступлений по предмету дискуссии помещала на страницах журнала и исследования по различным вопросам исторической науки, не имевшим прямого отношения к вопросам периодизации.

Каковы бы ни были результаты дискуссии, можно с уверенностью сказать, что она уже принесла пользу советской исторической науке. Она заставила советских историков ещё раз продумать вопросы марксистско-ленинской методологии, ещё раз заглянуть в неисчерпаемую сокровищницу марксизма-ленинизма и извлечь оттуда новые богатства, столь необходимые для плодотворного развития советской исторической науки. Вместе с тем дискуссия заставила обратить внимание историков на некоторые вопросы истории СССР, до сих пор мало разработанные, но нуждающиеся в тщательном и глубоком исследовании. Этого одного уже достаточно, чтобы признать за дискуссией большое политическое и научное значение.